

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМИ СИСТЕМАМИ

УДК 316.3-058.3(510)
DOI 10.20339/AM.03-26.109

Ли Чжожу,
аспирант социологического факультета
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);
Заместитель генерального секретаря
Общества мировой политической экономики (Китай);
научный сотрудник Института исследований
государственной безопасности
Нанкайский университет (Китай)
e-mail: liz@my.msu.ru

ТЕОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ КИТАЯ И КИТАЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ.

ЧАСТЬ I. КОНСТРУКЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ И МНОГОФАКТОРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ

В Части I, опираясь на исторический материализм и институциональную социологию, формулируется теория среднего уровня формирования политических элит партийно-государственного комплекса КНР в контексте китайской модернизации. При этом в полемике с классической элитологией и западными теориями модернизации классического и критического толка в аналитический фокус возвращаются организованные политические элиты как исторически ситуированные коллективные акторы. Формирование элит трактуется как институционализированный цикл отбора, социализации и размещения кадров в ключевых узлах власти, воспроизводящий управленческую архитектуру и одновременно конституирующий специфическую субъектность элит. В рамках предлагаемой схемы выделяются четыре взаимосвязанных механизма – институционализированная ротация элит, институциональная адаптация и инновации, социальный капитал и элитные сети, социалистическое научно-рациональное управление. Субъектность выражается через интеллектуальные, нормативные, стратегические и инновационные факторы. Официальные статистические и социологические данные используются не для идентификации причин, а для демонстрации аналитической продуктивности и используются в сравнительных исследованиях элитно-ориентированных траекторий развития.

Ключевые слова: китайская модернизация, формирование политических элит, институционализированная ротация элит, социальный капитал и элитные сети, социалистическое научно-рациональное управление.

THE THEORY OF THE FORMATION OF CHINA'S POLITICAL ELITES AND CHINESE MODERNIZATION.

PART I. THE INSTITUTIONAL FRAMEWORK OF THE THEORY AND MULTIFACTORIAL MECHANISMS OF ITS FORMATION

Li Zhoru, PhD student at the Department of Sociology, Lomonosov Moscow State University (Russia) and Deputy Secretary General of the World Association for Political Economy (WAPE) and Visiting Scholar at the Institute for State Security Studies, Nankai University (China), e-mail: liz@my.msu.ru

Part I, based on historical materialism and institutional sociology, formulates a meso-level theory of the formation of political elites within the PRC's party-state complex in the context of China's modernization. In this context, in a debate with classical elitism and Western theories of modernization – both classical and critical – the analytical focus returns to organized political elites as historically situated collective actors. The formation of elites is interpreted as an institutionalized cycle of selection, socialization and placement of personnel in key nodes of power, which reproduces the administrative architecture and simultaneously constitutes the specific subjectivity of elites.

The proposed framework identifies four interrelated mechanisms: institutionalized elite rotation, institutional adaptation and innovation, social capital and elite networks, and socialist scientific-rational governance. Subjectivity is expressed through intellectual, normative, strategic, and innovative factors. Official statistical and sociological data are used not to identify causes, but to demonstrate analytical productivity, and are employed in comparative studies of elite-oriented development trajectories.

Keywords: Chinese modernization, the formation of political elites, institutionalized elite rotation, social capital and elite networks, socialist scientific-rational governance.

Введение

По мере того, как китайская модернизация вступает в этап построения современного социалистического государства, персональное измерение партии-государства – политические элиты и способы их формирования – является одним из ключевых факторов организации и направления модернизационного процесса. Исходя из этого представляется закономерным смещение исследовательского фокуса к принципиальному вопросу о том, как и в каких институциональных конфигурациях формируются действующие субъекты модернизации, от решений которых зависит направление и характер проводимых преобразований. Далее этот вопрос конкретизируется в трех взаимосвязанных аналитических плоскостях.

1. Прежде всего требуется реконструировать систему возможностей и ограничений, в рамках которой осуществляется постоянная селекция, социализация и размещение элит в узловых позициях партии-государства.

2. Затем необходимо проследить, каким образом поддерживаемая этими механизмами субъектность политических элит проявляется в развитии материально-технической базы и научно-технических преобразований, а также в трансформации надстройки и духовной социалистической культуры, задавая относительную устойчивость модернизации.

3. Наконец, сравнивая траектории развития капиталистических стран и опыты глобального Юга представляется необходимым оценить, в какой мере институты формирования китайских политических элит могут быть интерпретированы как переносимая теория среднего уровня, позволяющая по-новому осмыслить различные пути современного государственного строительства и конфигурацию рисков в мировой системе.

В настоящем исследовании под «политическими элитами» понимается совокупность акторов, которые организуются и рекрутируются через институционализированную ротацию элит в определенной системе институтов и классовых отношений и выступают ключевыми субъектами институциональной адаптации, инноваций и преобразования социальной структуры.

Современная литература преимущественно концентрируется либо на макроинституциональных конфигурациях, либо на группах лиц и социальных движениях, тогда как системный анализ – на том, как политические элиты задают определенную логику функционирования китайской модернизации. И пока такие исследования остаются фраг-

ментарными. Показательно в этом смысле исследование В.Х. Альшаби, посвященное американской внешней политике, демонстрирующее, что союз транснациональной оппозиции с внутренними элитами внешнеполитического аппарата способен в пределах структурных ограничений радикально изменить стратегический выбор государства, а смена режима – результат взаимодействия элит и институциональных возможностей, а не механическое следствие структурных тенденций. В продолжение этой логики предмет анализа сознательно ограничивается институциональным полем партии-государства, а внимание сосредоточивается на организованных и сетевых сообществах китайских политических элит и механизмах их инкорпорации¹.

Ключевые категории уточняются в теоретических координатах марксистского учения о партии и государстве. В современной КНР «партия» рассматривается как организованный авангард, опирающийся на социалистический способ производства и выражающий коренные интересы народных масс. По сути, партия – это концентрированное выражение классовой сущности и идеологической направленности государственной власти, которая в марксистско-ленинской традиции описывается как руководящая и направляющая сила социалистического преобразования общества. «Политические элиты» – субъекты, занимающие ключевые позиции в руководящих органах партии и госаппарата и участвующие в определении стратегических решений. Еще В.И. Ленин подчеркивал, что устойчивое революционное движение невозможно без теоретически вооруженного авангарда, ибо «без революционной теории не может быть и революционного движения»², тем самым единство партии как авангарда рабочего класса выражается не просто как организационная, но прежде всего идейно-теоретическая основа, задающая стратегии и формулирующая критерии отбора, социализации и продвижения политических элит. Внутри этой совокупности выделяются руководящие партийно-государственные элиты, функциональные управленческие элиты и «пограничные» элиты на стыке партии-государства и социально-экономических групп, причем аналитический акцент далее делается на первых двух группах.

Концептуально «партия» и «политические элиты» различимы, однако эмпирически они пересекаются, поскольку социалистический способ производства, основанный на общественной собственности на средства производства и ориентации на общественный интерес как на легитимный ресурс. В результате формируются принципиальные разли-

¹ Alshaibi, W.H. (2024) The Anatomy of Regime Change: Transnational Political Opposition and Domestic Foreign Policy Elites in the (2) Making of US Foreign Policy on Iraq. *American Journal of Sociology*, 130(3), 539–594. <https://doi.org/10.1086/732155>.

² Ленин В.И. Полное Собрание Сочинений. Т. 6. М.: Издательство Политической Литературы, 1963. С. 24.
Lenin, V.I. Complete Works. Vol. 6. Moscow: Political Literature Publishing House, 1963, p. 24.

чия между китайскими политическими элитами, чьи правила отбора и продвижения, поведенческая логика и структура ответственности связаны с социалистическими приоритетами, и капиталистическими элитами, деятельность которых определяется целями накопления экономического капитала и конкуренцией партий и групп интересов.

Таким образом, китайские политические элиты рассматриваются как субъекты китайской модернизации, системно организуемые в рамках определенного конституционного порядка и институционального поля. Партия-государство посредством концентрации, группировки и интеграции разнородных социальных акторов и интересов формирует корпус элит, способный координировать общественные решения вокруг стратегий развития, опирающихся на накопленный опыт и знание, задавая в целом направление и темп общественных изменений. В отличие от капиталистических политических элит, которые преимущественно институционализированы через конкурентные выборы и действуют в среде многопартийности и конкурирующих групп интересов, китайские элиты все свои расхождения во взглядах согласуют внутри единой организационной системы, опирающейся на строгую дисциплину и процедуры коллективного принятия решений. Марксистская традиция уже зафиксировала этот момент. А. Грамши подчеркивал, что «коммунистическая партия должна быть идеологически единой, чтобы в любой момент осуществлять свою функцию руководителя рабочего класса, идеологическое единство составляет часть ее силы и политической способности»³. Таким образом, субъектность китайских политических элит предлагается трактовать через их организованную форму и идеологическую спаянность в рамках партии-государства, а не сводить к индивидуальным волевым характеристикам.

В то же время западная теоретическая традиция модернизации нередко описывает экономический рост, технологическое развитие и институциональные изменения как почти самопроизвольный структурный процесс с линейной логикой, тем самым существенно снижая внимание к конкретным субъектам и способам их формирования и фактически подталкивая к восприятию модернизации как обезличенного процесса, не требующего анализа политико-идеологических решений. В такой оптике модернизация выступает как самодвижущееся явление, а вопрос о том, кто и в каких институциональных условиях становится организатором и инициатором модернизационных стратегий, оказывается второстепенным. По сути, речь идет не об отсутствии элитной субъектности при капиталистической модернизации, а о том, что политические элиты в различных типах общественного устройства дей-

ствуют в неодинаковых институциональных возможностях и ограничениях и опираются на разные организационные формы и стратегии. Исходя из этого субъектность политических элит в китайской модернизации целесообразно анализировать в сравнительной перспективе, увязывая ее с конкретными институциональными механизмами и практическими контекстами и тем самым корректируя представления о модернизации как о самопроизвольном процессе, встраивая в них институционализированную ротацию элит как эмпирически наблюдаемый механизм.

По мере расширения масштабов экономики и углубления социального строительства партия-государство усиливает воздействие политических элит на ход модернизации, при этом Коммунистическая партия Китая занимает центральное положение в организации материально-технической базы, руководстве реорганизацией общественных отношений и формировании духовной социалистической культуры, где в полной мере проявляется диалектическое воздействие надстройки на экономический базис.

Институциональные механизмы, включая лимиты сроков, возрастные ограничения и ротацию элит, обеспечивают обновление правящего слоя и изменяют конфигурацию руководящих позиций, поэтому политические элиты, ведущие модернизацию от начального этапа социализма к более развитому, эмпирически выступают одновременно продуктом существующей институциональной структуры и движущей силой институциональной адаптации и инноваций. Исходя из этого политические элиты описываются как субъекты, укорененные в конкретных институциональных и исторических условиях. Их функции и ответственность анализируются посредством качественного рассмотрения плановой ротации и динамики институтов, а формирование политических элит трактуется как институционализированный процесс восхождения от кандидатов к ключевым должностям, обеспечивающий межпоколенческую мобильность внутри партии-государства. В этом случае субъектность элит понимается как комбинация возможностей и ограничений, создаваемых институтами, организациями и культурными ресурсами и реализуемых в форме сознательно проводимой политики, а не спонтанного приспособления к внешним импульсам.

Наконец, исследовательская логика и методология опираются на исторический материализм и социологию институционального анализа, что позволяет связать конкретно-историческое рассмотрение китайской модернизации с выработкой обобщающих теоретических выводов. В продолжение существующих исследований китайских

³ Антонио Грамши. Избранные произведения / ред. Ли Пэнчэн. Пекин: Народное издательство, 2008. С. 89. Antonio Gramsci. Selected Works / ed. Li Pengcheng. Beijing: People's Publishing House, 2008. P. 89.

институтов привлекаются дискуссии о балансе между институциональными ограничениями и деятельностью акторов, о социальном капитале и сетях элитных отношений. На этой основе формулируется теория формирования политических элит Китая, которая нацелена на объяснение того, каким образом китайские политические элиты в ходе институционально обусловленной модернизации через институционализированную ротацию и институциональные адаптации и инновации трансформируют экономические и социальные структуры и классовые отношения, тем самым вычерчивая траекторию развития, отличную от западной капиталистической модернизации и ориентированную на новую форму человеческой цивилизации. Тем самым теория формирования политических элит выступает не только аналитическим инструментом, но и средством более глубокого осмысления закономерностей социалистической модернизации в целом.

Анализ в рамках обозначенной теоретической схемы разворачивается на трех уровнях – теоретическом, практическом и сравнительном – с использованием исторического и сравнительного методов в сочетании с процессуальным анализом и рассмотрением типичных примеров институциональных реформ. При этом предполагается многократное сопоставление теоретических построений с эмпирическими данными и последующая корректировка исходных гипотез.

Основная часть

Конструкция институциональной теории формирования политических элит Китая: от институционализированной ротации элит к многофакторным механизмам формирования

Классические теории элит исходят из того, что смена и ротация политических элит представляют собой не случайное движение кадров, а институциональную норму политической жизни, выступающую ключевым механизмом саморегуляции и воспроизводства классовой структуры власти в капиталистических обществах. Понятие В. Парето о «циркуляции элит» (теория «круговорота» элит) и «железный закон олигархии» Р. Михельса показывают, что при высокой степени специализации и информационной асимметрии правящие группы стремятся постоянно рекрутировать и замещать немногочисленных носителей организационных и интеллектуальных ресурсов, маскируя фактическую монополию власти фасадом формального обновления. Отсюда эвристически выводится институциональная модель «политические элиты – институты», в которой, с одной

стороны, сложное общество нуждается в определенной концентрации власти для поддержания эффективности принятия решений, а с другой – отсутствие формализованных правил и действенного контроля ведет к закрытости элитного слоя, утрате им адаптивности и накоплению структурных рисков. В этой перспективе обновление элит понимается как совокупность институциональных процедур организованного отбора, оценки, служебных перемещений и исключений, превращающих потенциальных претендентов в политическую элиту и обеспечивающих межпоколенческую передачу власти и управленческого опыта, что служит теоретическим прототипом конструирования теории формирования политических элит Китая.

В контексте китайской модернизации, опирающейся на доминирование общественной собственности и ориентированной на совместное развитие, институционализированная ротация элит выступает ключевым механизмом воспроизводства структуры власти партии-государства и формирования социалистической модели управления. В ранее обозначенной четырехмерной схеме она отвечает на вопрос, кто и по каким организованным каналам входит в ряды политических элит, закладывая демографическую и профессиональную основу последующей институциональной адаптации, реструктуризации взаимоотношений и практики управления. В историко-материалистическом анализе институционализированная ротация трактуется как совокупность формальных механизмов набора, продвижения и ухода политических элит, которые регламентируют лимиты сроков, возрастные ограничения, нормативы ротации, репрезентативное распределение и дисциплинарный контроль, связывая обновление элит с коррекцией структуры государственного управления.

Как показывают исследования системы управления кадрами в КНР в период реформ и открытости, эта система обеспечила предсказуемость институциональных возможностей для отбора и вывода элит, сохранив социальный капитал и элитные взаимосвязи⁴. С другой стороны, в отличие от части западных теорий модернизации, сводящих ее к почти самопроизвольному развитию и тем самым размывающих роль политических акторов, настоящее исследование помещает институционализированное действие политических элит в центр анализа и исходит из того, что через посредничество самих элит осуществлялись структурные «сдвиги» китайской модернизации по поколениям, профессиям и социальному происхождению, формировался новый состав элит и тем самым создавались институциональные основания для структурной устойчивости и эффективности управления.

⁴ Maria, Edin. State Capacity and Local Agent Control in China: CCP Cadre Management from a Township Perspective // The China Quarterly. 2003. No. 173. P. 35–52. <https://doi.org/10.1017/S0009443903000044>; Pierre, F. Landry. Decentralized Authoritarianism in China: The Communist Party's Control of Local Elites in the Post-Mao Era. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

На эмпирическом уровне интегральный анализ данных Китайского комплексного социологического обследования (CGSS) и официальной статистики показывает, что коэффициент корреляции между уровнем образования и социальным статусом родителей и детей в Китае снизился с 0,45 до примерно 0,40 в 2012–2022 гг., тогда как в США за тот же период он вырос с 0,46 до примерно 0,48⁵. Это сопоставление свидетельствует, что, несмотря на высокую институциональную неравномерность обновления элит, в Китае в известной мере ослабляется влияние происхождения на вход в элитный слой, смягчается тенденция к «закрытости» элитного воспроизводства, что предоставляет эмпирическую опору для среднего гипотетического положения об «открытой циркуляции элит».

Опыт реформ и открытости показывает, что китайские политические элиты выступают не пассивными объектами регламентированной смены, а субъектами, ведущими китайскую модернизацию. Прежде всего именно это делает необходимым построение теории формирования китайских политических элит на основе указанной институциональной модели.

Сохраняя общие механизмы институционализированной ротации элит, предлагаемая теория вводит фактор субъектности, формулируя положения о том, как элиты отбираются, социализируются, размещаются на ключевых позициях и участвуют в институциональной адаптации и инновациях в существующей системе возможностей. В отличие от абстрактной модели, эта конструкция концентрируется на стратегических действиях элит в конкретные исторические этапы и при определенных способах производства, показывая, как посредством функционирования и целенаправленной корректировки институтов они задают институционализированный путь китайской модернизации.

Под субъектностью политических элит понимается способность выявлять структурные проблемы, использовать и перераспределять институциональные ресурсы, организовывать коллективные действия и воздействовать на траекторию общественного развития в рамках заданных структурных возможностей и ограничений. Эвристически эту субъектность целесообразно разложить на четыре фактора:

- ◆ когнитивный, связанный с оценкой условий и последствий;
- ◆ нормативный, включающий осознание идеологической позиции и публичных интересов;
- ◆ стратегический, отражающий координацию интересов и перестройку ресурсного потенциала;
- ◆ инновационный, выражающий инициирование институциональных адаптаций под давлением противоречий и вызовов.

Субъектность не сводится к психологической характеристике, отделенной от процесса формирования элит, а представляет собой форму способности, которая постоянно формируется и корректируется внутри институциональной структуры. В продолжение этой логики механизмы институционализированной ротации, институциональной адаптации и инноваций, социального капитала и сети элит, а также научно-рационального управления, формируют познавательные структуры и ресурсные границы элит и тем самым задают легитимный горизонт стратегического выбора и инноваций. В свою очередь, элитные действия через политические и организационные инновации также влияют на институты, изменяя траектории и эффективность их функционирования.

Таким образом, теорию формирования китайских политических элит целесообразно понимать как институциональную теорию среднего уровня, которая сконцентрирована на анализе процесса формирования элит и их субъектности и выполняет функцию мостика между макроструктурными парадигмами и агент-ориентированными исследованиями. Эта теория стремится преодолеть статическое представление об элитах как о пассивном продукте институциональных механизмов и выдвигает на первый план взаимное формирование элит и институтов: институционализированная ротация задает стандарты отбора, траектории продвижения и правила ухода, определяя структурные каналы и границы действия элит, тогда как элиты при структурных изменениях и внешних потрясениях посредством селективного использования институтов, координации и их умеренной перестройки существенно влияют на направление, темп и политическую линию мо-

⁵ В рамках настоящего исследования для анализа показателей в Китае были использованы материалы Китайского комплексного социологического обследования (CGSS) и дополнительные академические базы данных. Общее количество респондентов в выборке составило 8148 человек, однако для анализа были выделены около 2000 участников, предоставивших полные сведения об уровне образования и профессиональном статусе родителей. При операционализации «элитного» статуса использовалась классификация профессий, рекомендованная Государственным статистическим управлением КНР. Согласно данной классификации, к элитным профессиям относятся должности в партийно-государственных институтах, высший менеджмент предприятий и организаций, а также высококвалифицированные технические специальности. Семейный фон респондентов оценивался с учетом наивысшего уровня образования, достигнутого одним из родителей, а также профессионально-классовой принадлежности. В ходе анализа межпоколенческой мобильности авторы опирались на данные Китайского комплексного социологического обследования (CGSS), представляющего собой поперечное (горизонтальное) исследование. Для выявления динамики социального продвижения между поколениями была применена методика выделения возрастных когорт, выступающая прокси-показателем межпоколенных различий. Анализ показал, что влияние родительского статуса на вхождение в элитные слои снижается в более молодых группах. При сравнении с США, Германией и Францией использовались соответствующие отчеты и базы данных (ОЭСР, Pew Research, European Social Survey). Показатели для 2012 г. относятся к респондентам, рожденным преимущественно в конце 1980-х гг., а данные за 2022 г. – к поколению конца 1990-х. Все источники данных репрезентативны на национальном уровне и имеют статистическое взвешивание, что обеспечивает сопоставимость результатов. Тем не менее при сравнении учитывались возможные различия в формулировках анкет и расчетных индикаторах, поэтому были задействованы наиболее сходные по операционным определениям переменные. Наконец, все описываемые в таблицах различия были проверены на статистическую значимость ($p < 0,05$), благодаря чему можно считать полученные тенденции не случайными колебаниями, а отражением реально существующих закономерностей.

дернизации. Как подчеркивала Роза Люксембург, оценивая Октябрьскую революцию и большевиков, «только та партия, которая имеет смелость выдвинуть лозунг продвижения вперед и довести его до конца, может завоевать руководство и власть»⁶. По имеющимся данным об исторических революционных процессах, это высказывание демонстрирует, что в критические моменты организованная политическая сила приобретает ключевое значение.

В отличие от ряда западных концепций, представляющих модернизацию как «автономное» развитие, теория формирования китайских политических элит акцентирует внимание на решающие повороты модернизационного процесса, которые инициируются элитами, находящимися в ядре партийно-государственной системы, в ходе коллективного принятия решений и организованной практики. Тем самым они выдвигают сущностный вопрос — «кто, при каких институциональных условиях и каким образом продвигает модернизацию?»

В целом, именно в этом проявляется специфика предлагаемой теории, сочетающей политэкономическое отношение к социальной структуре, способу производства и классовым отношениям и институционально-социологический и критический анализ напряженности между институциональными ограничениями и активностью субъектов и раскрывающей внутренние связи между структурными изменениями, институциональной адаптацией и практикой политических элит в китайской модернизации.

Исходя из этого, субъектность политических элит может быть встроена в системную институциональную теорию, объясняющую механизм их формирования в Китае. Под «теорией формирования политических элит Китая» понимается средний уровень анализа, описывающий, как при определенном способе производства и форме государства, под воздействием взаимосвязанных механизмов институционализированной ротации, институциональной адаптации и инноваций, социального капитала и элитных связей, а также научно-рационального управления политические элиты постоянно отбираются, социализируются, распределяются и воспроизводятся.

В этой рамке субъектность элит перестает быть лишь актерской способностью внутри существующей структуры и превращается в звено, соединяющее структурные условия, институциональные установки и индивидуальные жизненные траектории.

Первый механизм представляет собой институционализированную ротацию элит. Стандартизированные

и регламентированные процедуры обновления элит рассматриваются как основной источник жизнеспособности современного политического строя и его способности к самокоррекции. Встраивая смену власти в развернутую процедуру, система обеспечивает непрерывность формирования элит и воспроизводства управленческой структуры во времени при сохранении функциональной гибкости. Конкретные институты лимитов сроков, обязательного выхода на пенсию, конкурсного отбора и открытых конкурсов, а также сопровождающие их политическая оценка и идеологическое воспитание, с одной стороны, поддерживают открытость и горизонтальную мобильность и вертикальный рекрутинг элит по происхождению и профессиональному опыту, с другой — последовательно отбирают и усиливают политическую идентичность и верность институциональному полю, превращая обновление элит в механизм воспроизводства политической лояльности и организационной идентичности. На субъективном уровне привязка элитного статуса к результатам исполнения должностных обязанностей и осознанию исторической миссии укрепляет ответственность перед общественным благом и организационными принципами и препятствует восприятию позиции власти как личной привилегии.

Согласно имеющимся данным, высокая частота и умеренная амплитуда ротации, характерные для институционализированной ротации элит, предотвращают устойчивую монополию власти отдельными группами и поддерживают динамическое и адаптивное внутреннее равновесие партии-государства. В терминах теории субъектности элит функции институционализированной циркуляции ориентированы на функциональную эффективность, социальную стабильность и результативность управления — введение контролируемой конкуренции и разное социальное происхождение повышают адаптивность элит в области знаний и опыта, а регулирование сроков и ротация ограничивают долговременную закрытость власти узкими группами, снижают вероятность накопления структурных кризисов и сохраняет пространство для институциональной адаптации и инноваций.

Исследование С. Фридмана и соавторов (2024), основанное на 71 интервью с элитами в Великобритании и Дании, показывает, что институционализация категорий «талант» и «потенциал» в качестве критериев отбора может воспроизводить неравенство структурных возможностей в дискурсивной рамке формального равенства⁷. В продолжение этой логики настоящая работа рассматривает трактовку признания «квалифицированного кадра» как

⁶ Роза Люксембург. Избранные произведения / гл. ред. Ли Цзуньюй. Пекин: Народное издательство, 2012. С. 383–384.

Rosa, Luxemburg. Selected Works / Edited by Li Zunyi. Beijing: People's Publishing House, 2012. Pp. 383–384.

⁷ Sam, Friedman, Christoph, Ellersgaard, Aaron, Reeves, Anton Grau, Larsen. The Meaning of Merit: Talent versus Hard Work Legitimacy, Social Forces, Vol. 102, Iss. 3, March 2024, Pp. 861–879. <https://doi.org/10.1093/sf/soad131>.

неотъемлемой части институционализированной циркуляции элит, а не как нейтрально-техническую процедуру.

Второй механизм связан с институциональной адаптацией и институциональными инновациями. В практике китайской модернизации политические элиты, ориентируясь на изменения среды и соотношения классовых сил, активно корректируют институциональную архитектуру: сталкиваясь с новыми социальными противоречиями или внешним давлением, они через своеобразный «консультационно-регулирующий» режим избирательно модифицируют и обновляют институты, обеспечивая им необходимую гибкость при сохранении базовой структурной устойчивости.

Реформы экономической системы и управленческих практик, осуществляемые с начала периода реформ и открытости, эмпирически демонстрируют, что институты генерируются и перестраиваются в процессе практической деятельности элит через адаптацию и инновации. Зарубежные исследования показывают, что даже высокооплачиваемые «белые воротнички» под воздействием напряжения между организационными правилами и личными ожиданиями могут добровольно «сойти с дистанции», что указывает на внутреннюю неоднородность элитных слоев⁸. Перенесение этой эвристики на китайский контекст позволяет включить анализ гетерогенности элит в теорию субъектности и трактовать институциональную адаптацию и инновации как результат стремления различных элитных подгрупп в определенных исторических ситуациях сбалансировать структурное давление и индивидуальные траектории.

Третий механизм охватывает социальный капитал и элитные сети. Эффективность функционирования институтов в значительной мере зависит от накопления социального капитала и его сочетаемости с институциональной структурой. Политические элиты на ключевых позициях в партии-государстве посредством длительного служебного опыта и общественной практики формируют систему социальных капиталов и элитных сетей, включающую формальные организационные связи и неформальные отношения доверия, а через институционализированную работу с массами, консультативные процессы и механизмы Единого фронта накапливают мобилизуемый социальный капитал, используемый для согласования интересов, смягчения конфликтов,

снижения транзакционных издержек и неопределенности при проведении крупных реформ и реализации политик.

Международные исследования свидетельствуют, что на этапе получения высшего образования через политику набора, университетскую культуру и закрытые клубы элитным студентам предоставляются дифференцированные ресурсы⁹, а совместное обучение способствует внутреннему усвоению управленческих практик и стабилизации элитных сетей¹⁰. Исходя из этого, настоящая работа рассматривает формирование китайских политических элит как непрерывный процесс социализации, охватывающий систему образования, организационную структуру и разные уровни партии-государства, а не как разовый акт отбора при занятии высших постов.

Интервью автора статьи с руководителями центральных и местных партийно-государственных органов, вузов и исследовательских учреждений (проведены в 2025 г.) показывают, что подобная «непрерывная социализация» широко распространена. Значительная часть респондентов начала карьеру в армии, низовых органах или молодежной организации, затем проходила систематическое обучение в Центральной партийной школе и университетах, постепенно переходила на ключевые позиции центрального или провинциального уровня и в ходе многоуровневой институционализированной циркуляции элит одновременно накапливала политическую лояльность, профессиональные компетенции и организационную идентичность, тесно связывая накопление социального капитала с институционализированным обновлением элит¹¹.

Четвертый механизм образует научно-рациональное управление. Существенный аспект субъектности политических элит состоит в включении управления обществом в основанные на научной рациональности структуры выработки и исполнения решений. Через институциональные механизмы знания, данных и процедур элиты организуют и ограничивают применение власти, смягчая историческое противостояние умственного и физического труда, преодолевая длительную монополию знания узкими группами и формируя социалистическую интеллигенцию, сочетающую практический опыт с современным научным кругозором.

Дискуссии XX в. о применении научных методов к преобразованию общества побудили политические элиты интегри-

⁸ Yavaş, M. (2024) White-Collar Opt-Out: How "Good Jobs" Fail Elite Workers. *American Sociological Review*, 89 (4), 761–788. <https://doi.org/10.1177/00031224241263497> (Original work published 2024).

⁹ Anthony Abraham, Jack, Zennon, Black. Belonging and Boundaries at an Elite University, *Social Problems*, Vol. 71, Iss. 4, November 2024, Pp. 996–1013, <https://doi.org/10.1093/socpro/spac051>.

¹⁰ Thornton, J. Classmates or Colleagues? How Elite Students Learn to Manage One Another. *Qual Sociol*. 2025. 48, 121–149. <https://doi.org/10.1007/s11133-024-09585-7>

¹¹ Полевые материалы автора настоящей статьи: полуструктурированные интервью с руководителями провинциального уровня и сотрудниками Центрального организационного отдела КПК; период проведения – 2025 г.; общее число интервью – 14; место проведения – Пекин; материалы обезличены; по запросу редакции и рецензентов могут быть предоставлены для проверки при соблюдении условий конфиденциальности.

ровать планирование, статистику, пилотные проекты и оценку в повседневные процедуры принятия решений, а на фоне растущей цифровизации они реконструируют инфраструктуру данных, системы мониторинга и механизмы обратной связи, что повышает способность распознавать и регулировать изменения социальной структуры и классовых отношений. В китайской практике управления это проявляется, в частности, в институционализации системы оценки кадров, основанной на стандартизированных количественных показателях, формируя инструментарий для измерения общественных процессов и снижения социальной неопределенности¹².

В целом институционализированная ротация элит, институциональная адаптация и инновации, социальный капитал и сеть элит и научно-рациональное управление образуют последовательную схему «формирование – социализация – сеть – управление», которая задает ось теории формирования китайских политических элит.

Институционализированная ротация определяет базовые каналы, по которым кандидаты входят в ядро структуры власти и формируется правящий слой, институциональная адаптация и инновации отражают процессы обучения и реинтеграции элит в существующих институциональных рамках, социальный капитал и элитные сети раскрывают связи элит внутри организации и между обществом и партией-государством, а научно-рациональное управление описывает стиль деятельности элит в сфере производства знания, выбора политики и управления рисками.

Эти четыре фактора аналитически различимы, но эмпирически взаимосвязаны: одна и та же крупная институциональная реформа может одновременно выражать корректировку ротации, перестройку сетей и изменение стилей

управления, поэтому в конкретных исследованиях необходимо ситуативно выявлять доминирующий механизм.

Предлагаемая теория:

- ◆ показывает, как политические элиты в институциональном поле соединяют макростратегию китайской модернизации с конкретной практикой управления;
- ◆ предоставляет структурированный аналитический каркас для ответа на вопрос о том, при каких институциональных условиях и каким образом продвигает китайскую модернизацию, обеспечивая социальную стабильность и эффективность управления.

В рамках теории задаются теоретические отправные точки и аналитические координаты для эмпирического анализа материально-технической базы и научно-технических революций, а также надстройки и духовной социалистической культуры (будет раскрыто во второй части статьи).

В заключение отметим, что часть I настоящей статьи сосредоточена на институциональной архитектонике теории формирования политических элит Китая и в явном виде выделяет четыре взаимосвязанных механизма их формирования, задавая для каждого операциональные признаки и выводимые, эмпирически проверяемые следствия.

В части II предложенная аналитическая рамка будет применена к эмпирическому разбору модернизационного базиса и надстройки, включая материально-техническую базу и научно-технические преобразования, а также надстроечные институты и духовную социалистическую культуру, с тем чтобы сопоставить наблюдаемые изменения с ожидаемыми эффектами указанных механизмов и уточнить границы их применимости.

Литература/References

- [1] Alshaibi, W.H. (2024) The Anatomy of Regime Change: Transnational Political Opposition and Domestic Foreign Policy Elites in the Making of US Foreign Policy on Iraq. *American Journal of Sociology*, 130 (3), 539–594. <https://doi.org/10.1086/732155>
- [2] Anthony Abraham, Jack, Zennon, Black. Belonging and Boundaries at an Elite University. *Social Problems*, Vol. 71, Iss. 4, November 2024, Pp. 996–1013, <https://doi.org/10.1093/socpro/spac051>
- [3] Maria, Edin. State Capacity and Local Agent Control in China: CCP Cadre Management from a Township Perspective. *The China Quarterly*. 2003. No. 173. Pp. 35–52. <https://doi.org/10.1017/S0009443903000044>; Pierre, F. Landry. Decentralized Authoritarianism in China: The Communist Party's Control of Local Elites in the Post-Mao Era. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- [4] Sam, Friedman, Christoph, Ellersgaard, Aaron, Reeves, Anton, Grau, Larsen. The Meaning of Merit: Talent versus Hard Work Legitimacy. *Social Forces*. March 2024. Vol. 102, Iss. 3, Pp. 861–879, <https://doi.org/10.1093/sf/soad131>
- [5] Susan H., Whiting. The Cadre Evaluation System at the Grass Roots: The Paradox of Party Rule. In: Barry J., Naughton, Dali L., Yang (eds.). *Holding China Together: Diversity and National Integration in the Post-Deng Era*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. Pp. 101–119. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511617157.004>.
- [6] Thornton, J. Classmates or Colleagues? How Elite Students Learn to Manage One Another. *Qual Sociol*. 2025. 48, 121–149. <https://doi.org/10.1007/s11133-024-09585-7>.
- [7] Yavaş, M. (2024). White-Collar Opt-Out: How “Good Jobs” Fail Elite Workers. *American Sociological Review*, 89 (4), 761–788. <https://doi.org/10.1177/00031224241263497> (Original work published 2024).

¹² Susan H., Whiting. The Cadre Evaluation System at the Grass Roots: The Paradox of Party Rule. In: Barry J., Naughton, Dali L., Yang (eds.). *Holding China Together: Diversity and National Integration in the Post-Deng Era*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. Pp. 101–119. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511617157.004>.